
ПРОБЛЕМЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ОТДЕЛЬНЫМ ВИДАМ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

COUNTERACTION TO CERTAIN TYPES OF CRIME

УДК 343.614

DOI 10.17150/2500-4255.2018.12(3).349-357

НОВЫЕ ОСНОВАНИЯ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ВОВЛЕЧЕНИЕ В САМОУБИЙСТВО И ИНОЕ ОПАСНОЕ ДЛЯ ЖИЗНИ ПОВЕДЕНИЕ

Р.Д. Шарапов, Е.В. Смахтин

Тюменский государственный университет, г. Тюмень, Российская Федерация

Информация о статье

Дата поступления

4 сентября 2017 г.

Дата принятия в печать

25 мая 2018 г.

Дата онлайн-размещения

18 июня 2018 г.

Ключевые слова

Самоубийство; убийство; доведение до самоубийства; склонение к самоубийству; действия, опасные для жизни несовершеннолетнего; призывы к самоубийству

Аннотация. В статье анализируются вопросы уголовно-политической и правовой оценки преступлений, связанных с вовлечением потерпевшего в самоубийство и иное опасное для жизни поведение, с учетом изменений в уголовном законодательстве в июне 2017 г. Показано, что основным фактором социальной обусловленности введения новых оснований уголовной ответственности за вовлечение в самоубийство и иное опасное для жизни поведение являются получившие распространение случаи вовлечения детей и подростков в суицидальное и иное опасное для жизни поведение посредством сети Интернет. Дается уголовно-правовая характеристика вопросам разграничения убийства путем лишения себя жизни самим потерпевшим и вовлечения (доведения, склонения, содействия) в самоубийство, квалификации преступлений при фактической ошибке. Формулируются рекомендации о том, что квалифицировать содеянное по ст. 110–110.2 УК возможно, если содержанием умысла виновного охватывается факт осознанного лишения человеком себя жизни. Напротив, умышленное вовлечение человека в аутоагрессивное поведение, связанное с причинением себе смерти, путем склонения к такому акту или иного доведения потерпевшего до него, содействия ему в этом, когда виновный осознает, что в силу возраста или психического расстройства потерпевший не понимает характер и значение совершаемых с собой действий, должно квалифицироваться как убийство. Понятие беспомощности потерпевшего в составах преступлений, связанных с вовлечением в самоубийство, следует толковать ограничительно, имея в виду в качестве таких потерпевших лиц, пребывающих в физической, но не в психической беспомощности. Уголовная ответственность за пропаганду аутоагрессивного поведения (за исключением суицидального), связанного с членовредительством, должна наступать по ч. 3 ст. 239 УК.

NEW GROUNDS OF CRIMINAL LIABILITY FOR INDUCEMENT TO SUICIDE AND OTHER LIFE-THREATENING BEHAVIOR

Roman D. Sharapov, Evgeniy V. Smakhtin

Tyumen State University, Tyumen, the Russian Federation

Article info

Received

2017 September 4

Accepted

2018 May 25

Available online

2018 June 18

Keywords

Suicide; murder; inducement to suicide; counseling suicide; actions threatening the life of a minor; calls for suicide

Abstract. The paper analyzes the crimi-

nal policy and legal evaluation of inducement to suicide and other life-threatening behavior in view of the changes in criminal legislation in June 2017. The authors show that the key social condition for introducing new grounds for criminal liability for inducement to suicide and other life-threatening behavior is the wide-spread cases of inducement of children and teenagers to suicidal and other life-threatening behavior via the Internet. The authors also present criminal legal characteristics of the differentiation between homicide by taking your own life and inducement to (counseling, aiding) suicide, and the definition of crimes in cases of factual error. They recommend classifying the actions under Art. 110–110.2 of the Criminal Code if the intent of the offender includes the fact that a person will deliberately and understandingly take his/her life. In contrast, the involvement of a person into auto-aggressive behavior connected with causing their own death by counseling such an act or any other inducement to it when the offender is aware that, due to age or psychological disorder, the victims do not understand the character and meaning of the actions carried out

with them should be classified as a murder. The concept of the victim's helplessness in the crimes of inducement to suicide should be interpreted in a restrictive way; such victims should be understood as being physically but not psychologically helpless. Criminal liability for the propaganda of auto-aggressive behavior (excepting suicidal behavior), connected with self-harm should be regulated under Part 3, Art. 239 of the Criminal Code.

По данным Следственного комитета Российской Федерации, за последние три года в стране зарегистрировано 2 205 случаев самоубийства и попыток самоубийства несовершеннолетних, а в 2016 г. покончили жизнь самоубийством 720 детей¹. Резкий рост суицидальной активности подростков отчетливо наблюдается в региональной статистике самоубийств [1]. Например, в Тюмени в 2016 г. зафиксировано три случая самоубийств несовершеннолетних, в то время как только за апрель 2017 г. — 12 попыток самоубийств несовершеннолетних. Представители правоохранительных органов, детских правозащитных организаций, ученые-суицидологи отмечают, что одной из причин резкого увеличения числа случаев суицидального поведения несовершеннолетних наряду с психическими отклонениями и неблагоприятными социальными факторами являются злонамеренные действия третьих лиц [2, с. 38; 3].

В последние годы как в России, так и в других странах получили распространение случаи вовлечения детей и подростков в суицидальное и иное опасное для жизни поведение посредством сети Интернет [4–6; 7, р. 23; 8]. Содеянное в таких случаях может квалифицироваться по ст. 110 УК РФ при условии, когда, например, через социальные сети в адрес потерпевшего высказываются какие-либо угрозы или систематически унижается человеческое достоинство потерпевшего, что приводит его к самоубийству или хотя бы к попытке такового.

Так, в мае 2017 г. в УМВД России по г. Тюмени поступило заявление от матери несовершеннолетней И. по факту доведения ее дочери до самоубийства. Установлено, что в 2015 г. неизвестный мужчина, используя социальную сеть «ВКонтакте», вступил с И. в переписку, а через некоторое время попросил у нее фотографии интимного характера, на что потерпевшая согласилась. Также И. согласилась пообщаться с неизвестным посредством программы Skype, в ходе чего продемонстрировала ему обнаженные части своего тела. После, осознав неправиль-

ность своих действий, И. заблокировала страницу неизвестного и удалила свой аккаунт. Однако в мае 2017 г. неизвестный вновь написал ей сообщение в сети «ВКонтакте» о том, чтобы она вышла с ним на связь и продолжила интимное общение. В противном случае он обещал разослать по социальным сетям фотографии И. интимного характера, а также видеозапись, сделанную ею для него в 2015 г. В результате И. пыталась покончить жизнь самоубийством путем отравления лекарственным препаратом².

Особый общественный резонанс получили факты организации в сети Интернет так называемых групп смерти, а также других игровых акций, которые фактически содержат в себе открытый или завуалированный призыв к риску для жизни, в том числе к самоубийству. По некоторым данным, только в течение января — февраля 2017 г. жертвами игр смерти в России стали 20 подростков. При помощи социальных сетей и мессенджеров, используемых в сети Интернет, организаторы опасных для жизни игр («Синий кит», «Разбуди меня в 4:20», «Тихий дом», «Беги или умри», «Фея огня») предлагали детям «увлекательные квесты» и другие «приключения», связанные с риском для жизни, в частности такие: неожиданно перебежать проезжую часть перед приближающимся автомобилем, игры с бытовым газом, проезд снаружи транспортных средств (зацепинг), проникновение на крыши высоких зданий, сооружений (руфинг) и т.п. Особое распространение получила игровая акция «Синий кит», содержащая 50 заданий, связанных с членовредительством (на руке лезвием вырезать «f57», проснуться в 4:20 и смотреть «страшное видео», залезть на крышу дома, порезать руку или губу, проткнуть руку иголкой, сделать себе больно и т.п.), через которые организаторы подавляли волю подростков и внушали им мысль о необходимости совершения самоубийства. Согласно заданиям, несовершеннолетний обязан был выходить в сеть не реже чем один раз в 48 часов, благо-

¹ Следственный комитет Российской Федерации : офиц. сайт. URL: <http://sledcom.ru>.

² Аналитическая справка по материалу проверки КУСП № 10460 от 23 мая 2017 г. // Архив ОДН ОП-7 УМВД России по г. Тюмени.

даря чему достигался эффект систематического психологического воздействия на участника закрытой группы в социальных сетях. На одном из заключительных этапов жертва должна была посредством программы Skype получать дополнительные задания (обычно в ночное время), требующие от нее умственных перегрузок. На завершающем этапе лица, склонявшие детей к самоубийству, устанавливали с ними прямой контакт, требуя от них совершить суицидальные действия. Если ребенок был не готов или боялся уйти из жизни, ему помогали преодолеть страх, давали определенные советы и указания.

Фактические обстоятельства организации смертельных интернет-игр для несовершеннолетних, свидетельствующие о безусловно преднамеренном общественно опасном поведении организаторов данных акций, продемонстрировали имеющиеся пробелы в уголовном законодательстве России, ибо существующие уголовно-правовые нормы (прежде всего ст. 105 и 110 УК РФ) не предусматривают ответственность за некоторые новые формы вовлечения несовершеннолетних в поведение, опасное для их жизни, в частности за склонение к самоубийству и содействие самоубийству.

С 18 июня 2017 г. вступил в силу Федеральный закон «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статью 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в части установления дополнительных механизмов противодействия деятельности, направленной на побуждение детей к суицидальному поведению» от 7 июня 2017 г. № 120-ФЗ³. В числе нововведений установление более строгой ответственности за доведение до самоубийства, а также криминализация ряда общественно опасных посягательств против жизни (ст. 110.1, 110.2) и несовершеннолетних (ст. 151.2). Предварительное следствие по уголовным делам об этих преступлениях осуществляется следователями Следственного комитета Российской Федерации.

В пояснительной записке к соответствующему законопроекту (а теперь уже закону) отмечается, что «новые виды склонения к совершению самоубийства или содействия совершению самоубийства не прогнозировались ранее наукой, не были своевременно оценены криминологами и по факту приняли широкий масштаб, оказавшись вне уголовно-правовой оценки, а

³ Собрание законодательства РФ. 2017. № 24. Ст. 3489.

значит, и вне мероприятий правоохранительных органов по выявлению организаторов такой деструктивной деятельности, своевременному пресечению их действий, а также защите потерпевших»⁴. Однако прогноз использования суггестивных методик в криминальных целях с широким использованием информационно-телекоммуникационных сетей, в том числе описание возможных новых форм общественно опасного поведения в этой сфере, в науке делались. При этом обращалось внимание на фактор безраздельного господства средств массовой информации и развития телекоммуникационных средств, в особенности беспроводных средств связи индивидуального пользования (мобильная связь, мобильный Интернет и др.), позволяющих в кратчайшие сроки доносить большие объемы информации, в том числе с элементами негативной суггестии, до конкретных получателей [9; 10].

Является небесспорным и другой тезис разработчиков вышеупомянутого закона, а именно: новые формы преступных действий, оказывающих влияние на сознание ребенка и мотивацию его поведения, не охватываются действующими составами Уголовного кодекса Российской Федерации⁵.

Ясно, что в условиях изменения действующего уголовного законодательства правовая оценка вовлечения несовершеннолетних в поведение, опасное для их жизни, не может быть однозначной. При квалификации соответствующих преступлений нужно учитывать ряд ключевых положений.

Во-первых, для квалификации преступлений, связанных с вовлечением в совершение самоубийства (ст. 110–110.2 УК), кардинальное значение имеет понятие «самоубийство». В законодательстве оно не определено. В свое время Э. Дюркгейм в своем обстоятельном труде, посвященном феномену самоубийства, определял последнее как «каждый смертный случай, который непосредственно или опосредованно является результатом положительного или отрицательного поступка, совершенного самим пострадав-

⁴ Пояснительная записка к проекту федерального закона «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в части установления дополнительных механизмов противодействия деятельности, направленной на побуждение детей к суицидальному поведению». URL: <http://asozd2.duma.gov.ru>.

⁵ Там же.

шим, если этот последний знал об ожидавших его результатах» [11, с. 13]. С тех пор в теории и практике уголовного права с опорой на медицинские, психологические и социологические науки [12; 13; 14, р. 5; 15; 16] принято считать, что самоубийством (или суицидом) является «добровольное, самостоятельное, осознанное и в достаточной мере саморазрушительное действие, непосредственной и ближайшей целью которого является лишение себя жизни» [17, с. 67].

С определенной долей условности в качестве легальных определений самоубийства могут быть избраны формулировка этого понятия, принятая Всемирной организацией здравоохранения («Самоубийство есть результат сознательных действий со стороны определенного человека, полностью осознающего или ожидающего летального исхода»⁶), а также разъяснения, принятые в свое время Минздравом РСФСР («Самоубийство есть намеренное (осознанное) лишение себя жизни. ...Это значит, что из сферы суицидального поведения исключены те случаи, где опасные для жизни действия не связаны с осознанными представлениями о собственной смерти. Подобные случаи составляют широкую зону аутодеструктивной активности, прилегающую к суицидальной сфере, но не являющуюся таковой в буквальном смысле»⁷).

Какое бы определение не было взято для целей квалификации преступлений, имманентным признаком самоубийства является осознанное лишение человеком себя жизни. Это означает, выражаясь уголовно-правовым языком, что жертва самоубийства понимает характер и значение совершаемых с собой действий, или, как в свое время изъяснился Пленум Верховного Суда СССР, умышленно лишает себя жизни⁸.

Таким образом, квалификация содеянного по ст. 110–110.2 УК возможна, если содержанием умысла виновного охватывается факт (хотя бы и не свершившийся) осознанного лишения челове-

ком себя жизни и не установлено, что, вовлекая другого человека в аутоагрессивное поведение, опасное для его жизни, виновный рассчитывал использовать заблуждение потерпевшего, который не отдает отчета своим действиям.

Во-вторых, с принятием УК РСФСР 1960 г. российский законодатель отказался от установления отдельного основания уголовной ответственности за содействие самоубийству (или подговаривание к нему) несовершеннолетнего или лица, заведомо неспособного понимать свойства или значения им совершаемого или руководить своими поступками (подобная норма существовала в Уголовном уложении 1903 г. (ст. 463), уголовных кодексах РСФСР 1922 г. (ст. 148) и 1926 г. (ст. 141)). Это позволило М.Д. Шаргородскому выдвинуть в утвердительной форме ранее высказанный им тезис: «Когда речь идет о подстрекательстве или соучастии в самоубийстве невменяемого, то это не подстрекательство к самоубийству, а убийство. Тот, кто вкладывает револьвер в руку психически больного, чтобы он покончил с собой, тот, кто подговаривает ребенка застрелиться, тот фактически убивает» [18, с. 546].

В теории уголовного права это положение не оспаривается, в том числе в работах, опубликованных по данной теме в преддверии принятия рассматриваемых изменений законодательства [19, с. 36–38; 20; 21]. Очевидно, такой же позиции придерживается судебная практика, о чем можно судить на основании того, что к числу лиц, находящихся в беспомощном состоянии при их убийстве, Пленум Верховного Суда РФ относит лиц, страдающих психическими расстройствами, лишаящими их способности правильно воспринимать происходящее⁹.

Поэтому умышленное вовлечение человека в аутоагрессивное поведение, связанное с причинением себе смерти, путем склонения потерпевшего к такому акту или иного доведения до него, содействия ему в этом, когда виновный осознает, что в силу возраста или психического расстройства потерпевший не понимает характер и значение совершаемых с собой действий, должно квалифицироваться как убийство (покушение на убийство) малолетнего или лица, заведомо для виновного находящегося в беспомощном состоянии.

⁹ О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ) [Электронный ресурс] : постановление Пленума Верхов. Суда РФ от 27 янв. 1999 г. № 1 // СПС «КонсультантПлюс».

⁶ Доклад о состоянии здравоохранения в мире, 2001. Психическое здоровье: новое понимание, новая надежда / ВОЗ. Женева, 2001. С. 49.

⁷ Диагностика суицидального поведения: Методические рекомендации. М. : Минздрав РСФСР, 1980. См. также: О совершенствовании деятельности центров психолого-педагогической, медицинской и социальной помощи : письмо Минобрнауки России от 10 февр. 2015 г. № ВК-268/07 (в нем суицидальное поведение определяется как намеренное лишение себя жизни).

⁸ Постановление Пленума ВС СССР от 26 июня 1969 г. по делу Родина М.Т. и Родиной Д.И. // Бюллетень ВС СССР. 1969. № 6. С. 8–10.

Не должно быть препятствием для такой квалификации то обстоятельство, что призыв виновного к самолишению жизни был неперсонифицирован и рассчитан на случайную жертву, на неопределенное количество потерпевших, а также то, удалось побудить кого-либо из потенциальных жертв к аутоагрессии или нет (таковы, например, широко известные случаи распространения в сети Интернет инструкции «Как стать феей огня из «Винкс» в домашних условиях», явно рассчитанной на массовое убийство детей и их близких).

В-третьих, приведенные положения о разграничении «опосредованного» убийства путем лишения себя жизни самим потерпевшим и вовлечения (доведения, склонения, содействия) в самоубийство, в общем-то достаточно известные в доктрине и практике, не должны быть пересмотрены в условиях включения в составы доведения до самоубийства, склонения к совершению самоубийства или содействия совершению самоубийства в качестве квалифицирующего признака того обстоятельства, что данные преступления совершаются в отношении лица, заведомо для виновного находящегося в беспомощном состоянии. Несмотря на то что к лицам, находящимся в беспомощном состоянии, принято относить как тех потерпевших, которые не в состоянии защитить себя, оказать сопротивление виновному (физическая беспомощность), так и потерпевших, которые не могли понимать характер и значение совершаемых с ними действий (психическая беспомощность)¹⁰, склонение потерпевшего к неосознанному лишению себя жизни, содействие в этом, а равно доведение психически беспомощной жертвы до самолишения жизни способами, указанными в ст. 110 УК, по-прежнему должны квалифицироваться как убийство. Как следует из буквального толкования ч. 2 ст. 110 и ч. 3 ст. 110.1 УК, названный квалифицирующий признак может инкриминироваться при условии предварительного установления в поведении виновного всех признаков основного состава соответствующего преступления, в числе которых значится предполагаемый виновным акт самоубийства потерпевшего.

¹⁰ О судебной практике по делам о преступлениях против половой неприкосновенности и половой свободы личности [Электронный ресурс] : постановление Пленума Верхов. Суда РФ от 4 дек. 2014 г. № 16 // СПС «КонсультантПлюс».

Таким образом, понятие беспомощности потерпевшего в составах преступлений, связанных с вовлечением в самоубийство, следует толковать ограничительно, имея в виду в качестве таких потерпевших лиц, пребывающих в физической, но не в психической беспомощности, которые, несмотря на неспособность защитить себя, оказать сопротивление виновному, были способны на осознанное лишение себя жизни.

В-четвертых, в целях правильного решения вопроса о квалификации преступления, связанного с самолишением потерпевшим себя жизни (убийство или доведение (склонение, содействие) до самоубийства и т.д.), нельзя недооценивать возможности психолого-психиатрической экспертизы, которая наряду с двумя традиционными по таким делам вопросами («В каком психическом состоянии находился подэкспертный в период, предшествовавший смерти?», «Существует ли причинно-следственная связь между действиями обвиняемого и психическим состоянием потерпевшего в период, предшествовавший смерти?») компетентна, по нашему мнению, ответить на вопрос: «Осознавал ли потерпевший характер и значение совершаемых им действий, связанных с причинением себе смерти?» В случае отрицательного ответа эксперта на данный вопрос (т.е. когда самолишение жизни или попытка такового не является суицидом), если при этом по делу установлены все остальные признаки одного из составов преступлений, связанных с вовлечением потерпевшего в самоубийство, имеет место фактическая ошибка субъекта в последствиях преступления, которая может повлиять на квалификацию его действий (например, в таких случаях, когда виновный, склоняя потерпевшего к самоубийству, не знал о наличии у последнего психического расстройства, которое не позволяло ему осознавать характер и значение совершаемых с собой действий).

Если фактическую ошибку допустит субъект доведения до самоубийства (ст. 110 УК), совершающий это преступление с прямым умыслом, то содеянное нужно квалифицировать как покушение на доведение до самоубийства. При этом не исключается квалификация по совокупности с причинением смерти по неосторожности (ст. 109 УК РФ) либо (при неудавшейся попытке самолишения жизни, связанной с тяжелой травмой потерпевшего) с причинением тяжкого вреда здоровью по неосторожности (ст. 118 УК

РФ) при условии, если будет установлено, что аутоагрессивное поведение потерпевшего по причинению себе смерти находилось в причинной связи с угрозами, жестоким обращением или систематическим унижением человеческого достоинства со стороны виновного, который должен был и мог предвидеть такой несутцидальный исход своего деяния.

При отсутствии прямого умысла квалификация по ст. 110 УК в условиях рассматриваемой фактической ошибки исключена, что, однако, не исключает (опять же в зависимости от обстоятельств) оценку содеянного по другим статьям о преступлениях против жизни и здоровья (ст. 109, 112, 115, 116, 117, 118 УК).

Указанная фактическая ошибка не влияет на квалификацию организации деятельности, направленной на побуждение к совершению самоубийства (ст. 110.2 УК), а также на квалификацию основных составов склонения к совершению самоубийства (ч. 1 ст. 110.1 УК) и содействия совершению самоубийства (ч. 2 ст. 110.1 УК), которые по конструкции считаются юридически оконченными с момента фактического воздействия на потерпевшего или оказания ему фактической помощи для самоубийства. Однако при этом исключается вменение общественно опасных последствий в виде самоубийства или покушения на самоубийство, образующих квалифицированный (ч. 4) и особо квалифицированный (ч. 5) составы преступлений, предусмотренных ст. 110.1 УК, но может потребоваться дополнительная квалификация по ст. 109 либо по ст. 118 УК (если при попытке лишить себя жизни потерпевший причинил тяжкий вред своему здоровью).

Если допустить возможность фактической ошибки обратного свойства, когда виновный рассчитывал совершить убийство потерпевшего «его же собственными руками», будучи уверенным в психической беспомощности последнего, однако в действительности жертва совершила самоубийство или покушение на самоубийство, то содеянное нужно квалифицировать как покушение на убийство малолетнего или иного лица, заведомо для виновного находящегося в беспомощном состоянии. Если при этом виновный выдвигал угрозы потерпевшему, жестоко с ним обращался или систематически унижал его человеческое достоинство, потребуются квалификация по совокупности с доведением до самоубийства (если принять

позицию о возможности совершения этого преступления по неосторожности).

Если умысел виновного, вовлекшего потерпевшего в аутоагрессивное поведение, опасное для жизни, был неконкретизированным (что представляется наиболее вероятным на практике), когда субъект с безразличием относился к тому, будет акт аутоагрессии являться самоубийством или нет, допуская, таким образом, то, что потерпевший мог находиться в состоянии психической беспомощности и не понимать характер и значение совершаемых с собой действий, содеянное квалифицируется по фактическим последствиям, т.е. в зависимости от того, установлен ли факт осознанного лишения (попытка лишения) потерпевшим себя жизни. Если психическая беспомощность жертвы аутоагрессивного поведения, связанного с противоправными действиями виновного, не установлена, ответственность наступает по ст. 110–110.1 УК, иначе содеянное должно квалифицироваться как убийство (или покушение на него).

В-пятых, хочется надеяться, что предусмотренная ст. 151.2 УК юридическая конструкция «противоправные действия, заведомо для виновного представляющие опасность для жизни несовершеннолетнего», о правовой неопределенности которой говорится в одном из официальных отзывов на соответствующий законопроект¹¹, не даст повода для чрезмерно широкого толкования и применения нового уголовно-правового запрета на практике (например, в таких случаях, как передвижение малолетнего велосипедиста по проезжей части с оживленным движением транспортных средств с ведома взрослого).

В качестве прогноза позволим себе предположить, что существующая сегодня в правоохранительных органах система учета преступлений и «борьба за раскрываемость преступлений» приведут именно к такому чрезмерно широкому толкованию, что потребует корректировки соответствующей статьи УК.

Равным образом включение обмана в число способов склонения несовершеннолетнего к

¹¹ Официальный отзыв Правительства РФ «На проект федерального закона «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в части установления дополнительных механизмов противодействия деятельности, направленной на побуждение детей к суицидальному поведению» от 7 марта 2015 г. № 1507п-П4. URL: <http://asozd2.duma.gov.ru>.

совершению (или иного вовлечения в него) противоправных действий, заведомо для виновного представляющих опасность для жизни несовершеннолетнего, не должно быть основанием для квалификации по данной статье действий субъекта, который, используя обман, вводит несовершеннолетнего в заблуждение относительно реальной опасности для собственной жизни совершаемых им действий, рассчитывая, таким образом, на трагический исход. В доктрине такие действия единодушно расцениваются как убийство или покушение на него.

Если при тех же обстоятельствах виновный действовал с косвенным умыслом, т.е. безразлично относился к гибели пребывающего в неведении потерпевшего либо сознательно допускал такой результат (например, склонил подростка к проникновению на охраняемый объект, умолчав о том, что место охраняется сторожевыми собаками без привязи), содеянное может квалифицироваться по ст. 151.2 УК при условии, что потерпевшему удалось избежать смерти (при этом не исключается квалификация по совокупности со ст. 111, 112, 115 УК, если подросток получил травмы). В случае гибели несовершеннолетнего преступление нужно квалифицировать как убийство с косвенным умыслом.

В-шестых, ст. 110.2 УК предусмотрена ответственность за призывы к совершению самоубийства, под которыми, опираясь на официальные разъяснения аналогичного понятия применительно к ст. 205.2, 280, 280.1 УК¹², следует понимать выраженные в любой форме (например, в устной, письменной, с использованием технических средств) обращения к другим лицам с целью побудить их к совершению самоубийства. Для отграничения этого преступления от склонения к самоубийству является уместным использование критерия, который Пленум Верховного Суда РФ избрал для разграничения публичных призывов к осуществлению действий, направленных на нарушение территориальной целостности Российской Федерации (ст. 280.1 УК), и подстрекательства к преступлениям, посягающим на территориальную целостность государства, т.е. призывы, предусмотренные ст. 110.2 УК, не

¹² О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях террористической направленности [Электронный ресурс]: постановление Пленума Верхов. Суда РФ от 9 февр. 2012 г. № 1 // СПС «КонсультантПлюс»; О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности [Электронный ресурс]: постановление Пленума Верхов. Суда РФ от 28 июня 2011 г. № 11 // Там же.

должны быть направлены на склонение определенных лиц к совершению самоубийства.

Если утверждать, что российский законодатель впервые криминализировал призывы к совершению самоубийства, то с теоретической точки зрения такое утверждение небесспорно. Ранее данное посягательство содержало в себе признаки пропаганды деяний, предусмотренных ч. 1 (а в редакции федерального закона от 20 июля 2012 г. № 121-ФЗ — также ч. 2) ст. 239 УК, к числу которых наряду с насилием над гражданами, побуждением граждан к отказу от исполнения гражданских обязанностей или к совершению иных противоправных деяний относится иное причинение вреда здоровью граждан. В доктрине обращалось внимание на то, что конструкцию «иное причинение вреда здоровью» рекомендуется толковать расширительно, как не только причинение собственно тяжкого, средней тяжести или легкого вреда здоровью, но также причинение смерти. Данный признак означает причинение физического вреда потерпевшему с его согласия либо доведение до актов аутоагрессии и склонение к ним (самоубийство, членовредительство, отказ от лечения болезней, доведение себя до глубокого физического и нервного истощения, самолишение пищи, воды, сна, когда это влечет вред здоровью, и т.п.) [22, с. 57; 23, с. 239; 24; 25, с. 113].

Однако если следовать правовой позиции Конституционного Суда РФ, указавшего, что «закон, устанавливающий уголовную ответственность, не может толковаться при его применении расширительно, т.е. как распространяющийся на деяния, прямо им не запрещенные» и «соответственно, нормы, вводящие юридическую ответственность, должны исключать расширительное их истолкование»¹³, то вышеупомянутая рекомендация уязвима с практической точки зрения.

В итоге уголовная ответственность за пропаганду аутоагрессивного поведения (за исключением суицидального), связанного с членовредительством, по-прежнему должна наступать по ч. 3 ст. 239 УК.

¹³ По делу о проверке конституционности положения части первой статьи 188 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки М.А. Асламазян: постановление Пленума Верхов. Суда РФ от 27 мая 2008 г. № 8-П // Собрание законодательства РФ. 2008. № 24. Ст. 2892.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Демидова (Чиркова) Е.Е. Сравнительный анализ региональных особенностей распространения убийств и самоубийств в современном мире / Е.Е. Демидова (Чиркова) // Преступность и социальный контроль в обществе постмодерна : материалы 28-й междунар. Балт. криминол. конф. — СПб., 2015. — С. 122–127.
2. Бачило Е.В. Влияние некоторых относительных факторов риска суицидального поведения на суицидальную активность населения Саратовской области / Е.В. Бачило, Ю.Б. Барыльник, А.А. Антонова // Суицидология. — 2011. — Т. 2, № 2 (3). — С. 38–41.
3. Аминов И.Г. О профилактике самоубийств в России с учетом социально-демографических аспектов суицидальной смертности / И.Г. Аминов // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. — 2014. — Т. 7, № 4 (36). — С. 129–142.
4. Ментюкова М.А. Эволюция уголовной ответственности за доведение до самоубийства с использованием сети Интернет / М.А. Ментюкова, М.М. Дубровина // Вопросы современной науки и практики. — 2013. — № С44. — С. 81–86.
5. Агамиров К.В. Пропаганда самоубийства как новый состав преступления в российском уголовном законодательстве / К.В. Агамиров // Знание. — 2017. — № 1–2 (41). — С. 107–109.
6. Filote A. Suicide attacks and religious cleavages / A. Filote, H. Ursprung, N. Potrafke // Public Choice. — 2016. — Vol. 166, № 1–2. — P. 3–28.
7. Sevcova L.F. Russia XXI: the logic of suicide and rebirth / L.F. Sevcova. — Moscow : Carnegie Moscow center, 2013. — 82 p.
8. Tillyer M.S. Violence in Schools: Repeat Victimization, Low Self-Control, and the Mitigating Influence of School Efficacy / M.S. Tillyer, P. Wilcox, E.R. Fissel // Journal of Quantitative Criminology. — 2017. — № 4. — P. 1–24.
9. Шарапов Р.Д. Криминальная гипносуггестия: криминологические и уголовно-правовые аспекты / Р.Д. Шарапов // Государство и право. — 2004. — № 11. — С. 44–47.
10. Антюфеева О.С. Криминологические проблемы популяризации суицидального поведения среди несовершеннолетних в информационном обществе / О.С. Антюфеева // Актуальные вопросы права и отраслевых наук. — 2016. — № 1 (2). — С. 29–33.
11. Дюркгейм Э. Самоубийство: социологический этюд / Э. Дюркгейм ; под ред. В.А. Базарова. — М. : Мысль, 1994. — 399 с.
12. Zhang J. Suicide in the world: toward a population increase theory of suicide / J. Zhang // Death Studies. — 1998. — Vol. 22, № 6. — P. 525–539.
13. Pescosolido B.A. Durkheim, suicide, and religion: toward a network theory of suicide / B.A. Pescosolido, Sh. Georgianna // American Sociological Review. — 1989. — Vol. 54. — P. 33–48.
14. Cognitive behavioral therapy for preventing suicide attempts: a guide to brief treatments across clinical settings / ed. : Craig J. Bryan. — New York ; London : Routledge, 2015. — 194 p.
15. Hendin H. Suicide, assisted suicide, and medical illness / H. Hendin // Harvard Mental Health Letter. — 2000. — Vol. 16, № 7. — P. 4–7.
16. Епанчинцева Г.А. Самоубийство: законодательные, психологические и криминологические аспекты / Г.А. Епанчинцева, Н.Ю. Волосова, Т.Н. Козловская // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. — 2015. — Т. 9, № 2. — С. 234–247.
17. Трунов Д.Г. Определение суицида: поиск критериев / Д.Г. Трунов // Суицидология. — 2016. — Т. 7, № 1 (22). — С. 64–68.
18. Курс советского уголовного права. Часть Общая : в 2 т. / под ред. Н.А. Беляева, М.Д. Шаргородского. — Л. : Изд-во Ленингр. ун-та, 1968. — Т. 1. — 648 с.
19. Крылова Н.Е. «Группы смерти» и подростковый суицид: уголовно-правовые аспекты / Н.Е. Крылова // Уголовное право. — 2016. — № 4. — С. 36–48.
20. Малетина М.А. «Группы смерти» и подростковый суицид: уголовно-правовой аспект / М.А. Малетина // Евразийский юридический журнал. — 2017. — № 4 (107). — С. 209–211.
21. Мелешко Д.А. Уголовно-правовая оценка доведения до самоубийства лица, находящегося в беспомощном состоянии / Д.А. Мелешко // Вестник Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации. — 2016. — № 4 (54). — С. 126–129.
22. Шарапов Р.Д. Преступления против здоровья населения и общественной нравственности / Р.Д. Шарапов. — Тюмень : Изд-во Тюм. юрид. ин-та МВД РФ, 2002. — 87 с.
23. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / под ред. А.А. Чекалина, В.Т. Томина, В.В. Сверчкова. — 3-е изд., перераб. и доп. — М. : Юрайт, 2006. — 1228 с.
24. Научно-практическое пособие по применению УК РФ / под ред. В.М. Лебедева. — М. : Норма, 2005. — 928 с.
25. Кобзева Е.В. Преступления против здоровья населения и общественной нравственности : учеб. пособие / Е.В. Кобзева. — М. : Юрлитинформ, 2014. — 165 с.

REFERENCES

1. Demidova (Chirkova) E.E. A comparative analysis of regional specifics of the distribution of homicides and suicides in the world today. *Prestupnost' i sotsial'nyi kontrol' v obshchestve postmoderna. Materialy 28th mezhdunarodnoi Baltiskoi kriminologicheskoi konferentsii* [Crime and Social Control in the Postmodern Society. Materials of the 28th International Baltic Criminological Conference]. Saint Petersburg, 2015, pp. 122–127. (In Russian).
2. Bachilo E.V., Barylnik Yu.B., Antonova A.A. Influence of some relative risk factors for suicide activity of population Saratov. *Suitsidologiya = The Suicidology*, 2011, vol. 2, no. 2 (3), pp. 38–41. (In Russian).
3. Aminov I.G. Suicide prevention in Russia with a glance to the socio-demographic aspects of suicide mortality. *Kontury global'nykh transformatsii: politika, ekonomika, pravo = Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law*, 2014, vol. 7, no. 4 (36), pp. 129–142. (In Russian).

4. Mentyukova M.A., Dubrovina M.M. The Evolution of Criminal Liability for Suicide Incitement Using the Internet. *Voprosy sovremennoi nauki i praktiki = Problems of Contemporary Science and Practice*, 2013, no. C44, pp. 81–86. (In Russian).
5. Agamirov K.V. Suicide promotion as new corpus delicti in the Russian criminal legislation. *Znanie = Knowledge*, 2017, no. 1–2 (41), pp. 107–109. (In Russian).
6. Filote A., Ursprung H., Potrafke N. Suicide attacks and religious cleavages. *Public Choice*, 2016, vol. 166, no. 1–2, pp. 3–28.
7. Sevcova L.F. *Russia XXI: the logic of suicide and rebirth*. Moscow, Carnegie Moscow center, 2013. 82 p.
8. Tillyer M.S., Wilcox P., Fissel E.R. Violence in Schools: Repeat Victimization, Low Self-Control, and the Mitigating Influence of School Efficacy. *Journal of Quantitative Criminology*, 2017, no. 4, pp. 1–24.
9. Sharapov R.D. Criminal hypno-suggestion: criminological and criminal law aspects. *Gosudarstvo i pravo = State and Law*, 2004, no. 11, pp. 44–47. (In Russian).
10. Antiufeeva O.S. Issues of the prevention of suicide among minors in the information society. *Aktual'nye voprosy prava i otraslevykh nauk = Actual Problems of Russian Law*, 2016, no. 1 (2), pp. 29–33. (In Russian).
11. Durkheim E. *Le suicide: Etude de sociologie*. Paris, Felix Alcan, 1897. 462 p. (Russ. ed.: Durkheim E.; Bazarov V.A. (ed.). *Samoubiistvo: sotsiologicheskii etyud*. Moscow, Mysl' Publ., 1994. 399 p.).
12. Zhang J. Suicide in the world: toward a population increase theory of suicide. *Death Studies*, 1998, vol. 22, no. 6, pp. 525–539.
13. Pescosolido B.A., Georgianna Sh. Durkheim, suicide, and religion: toward a network theory of suicide. *American Sociological Review*, 1989, vol. 54, pp. 33–48.
14. Bryan Craig J. (ed.). *Cognitive behavioral therapy for preventing suicide attempts: a guide to brief treatments across clinical settings*. New York, London, Routledge, 2015. 194 p.
15. Hendin H. Suicide, assisted suicide, and medical illness. *Harvard Mental Health Letter*, 2000, vol. 16, no. 7, pp. 4–7.
16. Epanchintseva G.A., Volosova N.Yu., Kozlovskaya T.N. Suicide: legislative, psychological and criminological aspects. *Kriminologicheskii zhurnal Baikal'skogo gosudarstvennogo universiteta ekonomiki i prava = Criminology Journal of Baikal National University of Economics and Law*, 2015, vol. 9, no. 2, pp. 234–247. DOI: 10.17150/1996-7756.2015.9(2).234-247. (In Russian).
17. Trunov D.G. Defining suicide: in search of criteria. *Suitsidologiya = The Suicidology*, 2016, vol. 7, no. 1 (22), pp. 64–68. (In Russian).
18. Belyaev N.A., Shargorodskii M.D. (eds.). *Kurs sovetskogo ugovolnogo prava. Chast' Obshchaya*. [Soviet criminal law course. General part]. Leningrad State University Publ., 1968. Vol. 1. 648 p.
19. Krylova N.E. «Groups of death» and teenage suicide: criminal law aspects. *Ugolovnoe pravo = Criminal Law*, 2016, no. 4, pp. 36–48. (In Russian).
20. Maletina M.A. «Groups of death» and juvenile suicide: criminal and legal aspect. *Evrasiiskii yuridicheskii zhurnal = Eurasian Law Journal*, 2017, no. 4 (107), pp. 209–211. (In Russian).
21. Meleshko D.A. Criminal legal assessment of bringing the suicide of person in a helpless state. *Vestnik Akademii General'noi prokuratury Rossiiskoi Federatsii = Bulletin of the Academy of the RF Prosecutor General's Office*, 2016, no. 4 (54), pp. 126–129. (In Russian).
22. Sharapov R.D. *Prestupleniya protiv zdorov'ya naseleniya i obshchestvennoi npravstvennosti* [Crimes against public health and morals]. Tyumen Law Institute of MIA of Russia Publ., 2002. 87 p.
23. Chekalin A.A., Tomin V.T., Sverchkov V.V. (eds.). *Kommentarii k Ugolovnomu kodeksu Rossiiskoi Federatsii* [Comments to the Criminal Code of the Russian Federation]. 3rd ed. Moscow, Yurait Publ., 2006. 1228 p.
24. Lebedev V.M. (ed.). *Nauchno-prakticheskoe posobie po primeneniyu UK RF* [Research and Practice Manual on the Application of the Criminal Code of the Russian Federation]. Moscow, Norma Publ., 2005. 928 p.
25. Kobzeva E.V. *Prestupleniya protiv zdorov'ya naseleniya i obshchestvennoi npravstvennosti* [Crimes against public health and morals]. Moscow, Yurlitinform Publ., 2014. 165 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Шарапов Роман Дмитриевич — профессор кафедры уголовного права и процесса Института государства и права Тюменского государственного университета, доктор юридических наук, профессор, г. Тюмень, Российская Федерация; e-mail: ygolovnoe.pr.403@mail.ru.

Смахтин Евгений Владимирович — профессор кафедры уголовного права и процесса Института государства и права Тюменского государственного университета, доктор юридических наук, доцент, г. Тюмень, Российская Федерация; e-mail: ygolovnoe.pr.403@mail.ru.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

Шарапов Р.Д. Новые основания уголовной ответственности за вовлечение в самоубийство и иное опасное для жизни поведение / Р.Д. Шарапов, Е.В. Смахтин // Всероссийский криминологический журнал. — 2018. — Т. 12, № 3. — С. 349–357. — DOI: 10.17150/2500-4255.2018.12(3).349-357.

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Sharapov, Roman D. — Professor, Chair of Criminal Law and Process, Institute of State and Law, Tyumen State University, Doctor of Law, Professor, Tyumen, the Russian Federation; e-mail: ygolovnoe.pr.403@mail.ru.

Smakhtin, Evgeniy V. — Professor, Chair of Criminal Law and Process, Institute of State and Law, Tyumen State University, Doctor of Law, Ass. Professor, Tyumen, the Russian Federation; e-mail: ygolovnoe.pr.403@mail.ru.

FOR CITATION

Sharapov R.D., Smakhtin E.V. New grounds of criminal liability for inducement to suicide and other life-threatening behavior. *Vserossiiskii kriminologicheskii zhurnal = Russian Journal of Criminology*, 2018, vol. 12, no. 3, pp. 349–357. DOI: 10.17150/2500-4255.2018.12(3).349-357. (In Russian).